

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynalexander.ru/> приятного чтения!

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын

Но в падении Берии была для Особлагов и другая сторона: оно обнадёжило и тем сбило, смутило, ослабило каторгу. Зазеленели надежды на скорые перемены - и отпала у каторжан охота гоняться за стукачами, садиться за них

в тюрьму, бастовать, бунтовать. Злость прошла. Все и без того, кажется, шло к лучшему, надо было только подождать.

И еще такая сторона: погоны с голубой окаёмкой (но без авиационной птички), до сей поры самые почётные, самые несомненные во всех Вооружённых Силах, - вдруг понесли на себе как бы печать порока и не только в глазах

заклѳченных или их родственников (шут бы с ними) - но не в глазах ли и правительства?

В том роковом 1953 году с офицеров МВД сняли вторую зарплату ("за звѳздочки"), то есть они стали получать только один оклад со стажными и полярными надбавками, ну и премиальные, конечно. Это был большой удар по карману, но еще бо'льший по будущему: значит, мы становимся не нужны?

Именно из-за того, что пал Берия, охранное министерство должно было срочно и въявь доказать свою преданность и нужность. Но как?

Те мятежи, которые до сих пор казались охранникам угрозой, теперь замерцали спасением: побольше бы волнений, беспорядков, чтоб надо было принимать меры. И не будет сокращения ни штатов, ни зарплат.

Меньше чем за год несколько раз кенгирский конвой стрелял по невинным. Шел случай за случаем; и не могло это быть непреднамеренным.1

Застрелили ту девушку Лиду с растворомешалки, которая повесила чулки сушить на предзоннике.

Подстрелили старого китайца - в Кенгире не помнили его имени, по-русски китаец почти не говорил, все знали его переваливающуюся фигуру - с трубкой в зубах и лицо старого лешего. Конвоир подозвал его к вышке,

бросил ему пачку махорки у самого предзонника, а когда китаец потянулся взять - выстрелил, ранил.

Такой же случай, но конвоир с вышки бросил патроны, велел заключѳнному собрать и застрелил его.

Затем известный случай стрельбы разрывными пулями по колонне, пришедшей с обогатительной фабрики, когда вынесли 16 раненых. (А еще десятка два скрыли свои легкие ранения от регистрации и возможного наказания.)

Тут эки не смолчали - повторилась история Экибастуза: 3-й лагпункт Кенгира три дня не выходил на работу (но еду принимал), требуя судить

виновных.

Приехала комиссия и уговорила, что виновных будут судить (как будто эков позовут на суд, и они проверят!..) Вышли на работу.

Но в феврале 1954 года на Деревообделочном застрелили еще одного - "евангелиста", как запомнил весь Кенгир (кажется: Александр Сысоев). Этот

человек отсидел из своей десятки 9 лет и 9 месяцев. Работа его была -

обмазывать сварочные электроды, он делал это в будке, стоящей близ

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru предзонника. Он вышел оправиться близ будки – и при этом был застрелен с вышки. С вахты поспешно прибежали конвоиры и стали подтаскивать убитого к предзоннику, как если б он его нарушил. Зэки не выдержали, схватили кирки, лопаты, и отогнали убийц от убитого. (Всё это время близ зоны ДОЗа стояла оседланная лошадь оперуполномоченного Беляева – "Бородавки", названного так за бородавку на левой щеке. Капитан Беляев был энергичный садист, и вполне в его духе было подстроить всё это убийство.)

Всё в зоне ДОЗа взволновалось. Заключенные сказали, что убитого понесут на лагпункт на плечах. Офицеры лагеря не разрешили. "За что убили?" – кричали им. Объяснение у хозяев уже было готово: виноват убитый сам – он первый стал бросать камнями в вышку. (Успели ли они прочесть хоть личную карточку убитого? – что ему три месяца осталось и что он евангелист?..)

Возвращение в зону было мрачно и напоминало, что идёт не о шутках. Там и сям в снегу лежали пулемётчики, готовые к стрельбе (уже кенгирцам известно было, что – слишком готовые...)

Пулеметчики дежурили и на крышах конвойного городка.

Это было опять всё на том же 3-м лагпункте, который знал уже 16 раненых за один раз. И хотя нынче был всего только один убитый, норосло чувство незащищённости, обречённости, безвыходности: вот и год уже почти прошёл после смерти Сталина, а псы его не изменились. И не изменилось вообще ничто.

Вечером после ужина сделано было так. В секции вдруг выключался свет и от входной двери кто-то невидимый говорил: "Братцы! До каких пор будем строить, а взамен получать пули? Завтра на работу не выходим!" И так секция за секцией, барак за бараком.

Брошена была записка через стену и во второй лагпункт. Опыт уже был, и обдуманно раньше не раз, сумели объявить и там. На 2-м лагпункте, многонациональном, перевешивали десятилетники, и у многих сроки шли к концу

– однако они присоединились.

Утром мужские лагпункты – 3-й и 2-й, на работу не вышли.

Такая повадка – бастовать, а от казённой пайки и хлеба не отказываться, всё больше начинала пониматься арестантами, но всё меньше – их хозяевами. Придумали: надзор и конвой вошли без оружия в забастовавшие

лагпункты, в бараки, и вдвоём берясь за одного зэка – выталкивали, выпирали его из барака. (Система слишком гуманная, так пристально нянчиться с ворами, а не с врагами народа. Но после расстрела Берии никто из генералов и полковников не отважился первый отдать приказ стрелять по зоне из пулемётов.) Этот труд, однако, себя не оправдал: заключённые шли в уборную, слонялись по зоне, только не на развод.

Два дня так они выстояли.

Простая мысль – наказать конвоира, который убил евангелиста, совсем не казалась хозяевам ни простой, ни правильной. Вместо этого в ночь со второго дня забастовки на третий ходил по баракам уверенный в своей безопасности и всех будя бесцеремонно, полковник из Караганды с большой свитой: "Долго думаете волюнку тянуть?"² И наугад, никого не зная тут, тыкал пальцем: "Ты

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

- выходи!.. Ты - выходи!.. Ты! - выходи!" И этих случайных людей этот доблестный волевой распорядитель отправлял в тюрьму, полагая в том самый

разумный ответ на волюнку. Вилл Розенберг, латыш, видя эту бессмысленную расправу, сказал полковнику: "И я пойду!" - "Иди!" - охотно согласился

полковник. Он даже н_е _п_о_н_я_л, наверно, что это был - протест, и против чего тут можно было протестовать.

В ту же ночь было объявлено, что демократия с питанием кончена и невышедшие на работу будут получать штрафной паёк. 2-й лагпункт утром вышел на работу. 3-й не вышел еще и в третье утро. Теперь к ним применили ту же тактику выталкивания, но уже увеличенными силами: мобилизованы были все офицеры, какие только служили в Кенгире или съехались туда на помощь и с комиссиями. Офицеры во множестве входили в намеченный барак, ослепляя арестантов мельканием папах и блеском погонов, пробирались, нагнувшись, между вагонками и, не гнушаясь, садились своими чистыми брюками на грязные арестантские подушки из стружек: "Ну, подвинься, подвинься, ты же видишь, я подполковник!" И дальше так, подбоченясь и пересаживаясь, выталкивали обладателя матраца в проход, а там его за рукава подхватывали надзиратели, толкали к разводу, а тех, кто и тут еще слишком упирался - в тюрьму.

(Ограниченный объём двух кенгирских тюрем очень стеснял командование - туда помешалось лишь около полутысячи человек.)

Так забастовка была пересилена, не щадя офицерской чести и привилегий. Эта жертва вынуждалась двойственным временем. Непонятно было, что же надо? и опасно было ошибиться! Перестаравшись и расстреляв толпу, можно было оказаться подручным Берию. Но не достаравшись и не вытолкнув энергично на работу, можно было оказаться его же подручным. К тому же личным и массовым своим участием в подавлении забастовки офицеры МВД как никогда доказали и нужность своих погонов для защиты святого порядка, и несокрушаемость штатов, и индивидуальную отвагу.

Применены были и все проверенные ранее способы. В марте-апреле несколько этапов отправили в другие лагеря. (Поползла зараза дальше!) Человек семьдесят (среди них и Тэнно) были отправлены в закрытые тюрьмы с классической формулировкой: "все меры исправления исчерпаны, разлагающе влияет на заключённых, содержанию в лагере не подлежит". Списки отправленных в закрытые тюрьмы были для устрашения вывешены в лагере. А для того, чтобы хозрасчёт, как некий лагерный НЭП, лучше бы заменял заключённым свободу и справедливость, - в ларьки, до того времени скудные, навезли широкий набор

продуктов. И даже - о, невозможность! - выдали заключённым аванс, чтобы эти продукты брать. (ГУлаг верил туземцу в долг! - это небывало!)

Так второй раз нараставшее здесь, в Кенгире, не дойдя до назреву, рассасывалось.

Но тут хозяева двинули лишку. Они потянулись за своей главной дубинкой против Пятьдесят восьмой - за блатными! (Ну, а в самом деле! - зачем же пачкать руки и погоны, когда есть социально-близкие?)

Перед Первомайскими праздниками в 3-й мятежный лагпункт, уже сами отказываясь от принципов Особлагов, уже сами признавая, что невозможно политических содержать беспримесно и дать им себя понять, - хозяева

привезли и разместили 650 воров, частично и бытовиков (в том числе много малолеток). "Прибывает здоровый контингент! - злорадно предупреждали они

Пятьдесят восьмую. - Теперь вы не шелохнёесь". А к привезённым ворами воззвали: "Вы у нас наведёте порядок!"

И хорошо понятно было хозяевам, с чего нужно порядок начинать: чтоб воровали, чтоб жили за счёт других, и так бы поселилась всеобщая разрозненность. И

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru улыбаться только ворами, когда те, услышав, что есть рядом и женский лагпункт, уже канючили в развязной своей манере: "Покажи нам баб, начальничек!"

Но вот он, непредсказуемый ход человеческих чувств и общественных движений! Впрыснув в Третий кенгирский лагпункт лошадиную дозу этого испытанного трупного яда, хозяева получили не замирённый лагерь, а самый крупный мятеж в истории Архипелага ГУЛАГа!

Как ни огорожены, как ни разбросаны по видимости островки Архипелага, они через пересылки живут одним воздухом, и общие протекают в них соки. И потому резня стукачей, голодовки, забастовки, волнения в Особлагах не остались для воров неизвестными. И вот говорят, что к 54-му году на пересылках стало заметно, что воры зауважали каторжан.

И если это так – что же мешало нам добиться воровского "уважения" – раньше? Все двадцатые, все тридцатые, все сороковые годы мы, Укропы

Помидоровичи и фан фанычи, так озабоченные своей собственной общемировой ценностью и содержимым своего сидора, и своими еще не отнятыми ботинками или брюками – мы держали себя перед ворами как персонажи юмористические: когда

они грабили наших соседей, таких же общемировых интеллектуалов, мы отводили стыдливо глаза и жались в своём уголке; а когда подчеловеки эти переходили расправляться с нами, мы также разумеется не ждали помощи от соседей, мы услужливо отдавали этим образинам все, лишь бы нам не откусили голову. Да, наши умы были заняты не тем и сердца приготовлены не к этому! Мы никак не ждали еще этого жестокого низкого врага! Мы терзались извивами русской истории, а к смерти готовы были только публичной, вкрасне, на виду у целого мира и только спасая сразу всё человечество. А может быть на мудрость нашу довольно было самой простой простоты. Может быть с первого шага по первой пересыльной камере мы должны были быть готовы все, кто тут есть, получить ножи между ребрами и слечь в сыром углу, на парашной слизи, в презренной потасовке с этими крысо-людьми, которым на загрызание бросили нас Голубые. И тогда-то, быть может, раньше, выше и даже с ворами этими об руку разнесли бы в щепки сталинские лагеря? В самом деле, за что было ворами нас уважать?..

Так вот, приехавшие в Кенгир воры уже слышали немного, уже ожидали, что дух боевой на каторге есть. И прежде чем они осмотрелись и прежде чем слизались с начальством, – пришли к паханам выдержанные широкоплечие

хлопцы, сели поговорить о жизни и сказали им так: "Мы – представители.

Какая в Особых лагерях идёт рубилровка – вы слышали, а не слышали – расскажем. Ножи теперь делать мы умеем не хуже ваших. Вас – шестьсот

человек, нас – две тысячи шестьсот. Вы – думайте и выбирайте. Если будете нас давить – мы вас перережем."

Вот этот-то шаг и был мудр и нужен был давно! – повернуться против блатных всем остриём! увидеть в них – главных врагов!

Конечно, Голубым только и было надо, чтобы такая свалка началась. Но прикинули воры, что против осмелевшей Пятдесят восьмой один к четырём идти им не стоит. Покровители – всё-таки за зоной, да и хрена ли в этих

покровителях? Разве воры их когда-нибудь уважали? А союз, который предлагали хлопцы – был весёлой небывалой авантюрой, да еще кажется открывал и дорожку – через забор в женскую зону.

И ответили воры: "Нет, мы умнее стали. Мы будем с мужиками вместе!"

Эта конференция не записана в историю, и имена участников её не сохранились в протоколах. А жаль. Ребята были умные.

Еще в первых же карантинных бараках здоровый контингент отметил своё новоселье тем, что из тумбочек и вагонок развёл костры на цементном полу, выпуская дым в

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru окна. Несогласие же своё с запиранием бараков они выразили, забивая щепками скважины замков.

Две недели воры вели себя как на курорте: выходили на работу, загорали, не работали. О штрафном пайке начальство, конечно, и не помышляло, но при всех светлых ожиданиях и зарплату выписывать ворами было не из каких сумм. Однако появились у воров боны, они приходили в ларёк и покупали. Обнадёжилось начальство, что здоровый элемент начинает-таки воровать. Но, плохо осведомлённое, оно ошиблось: среди политических прошёл сбор на выручку воров (это тоже было, наверно, частью конвенции, иначе ворами неинтересно), оттуда у них были и боны! Случай слишком небывалый, чтоб хозяева могли о нём догадаться!

Вероятно, новизна и необычность игры очень занимала блатных, особенно малолеток: вдруг относиться к "фашистам" вежливо, не входить без разрешения в их секции, не садиться без приглашения на вагонки.

Париж прошлого века называл своих блатных (а у него, видимо, их хватало), сведенных в гвардию, – мобили. Очень верно схвачено! Это племя

такое мобильное, что оно разрывает оболочку повседневной косной жизни, оно никак не может в ней заключаться в покое. Установлено было не воровать, неэтично было вкалывать на казённой работе – но что-то же надо было делать!

Воровской молодняк развлекался тем, что срывал с надзирателей фуражки, во время вечерней проверки джигитовал по крышам бараков и через высокую стену из 3-го лагпункта во 2-й, сбивал счёт, свистел, улюлюкал, ночами пугал вышки. Они бы дальше и на женский лагпункт полезли, но по пути был охраняемый хоздвор.

Когда режимные офицеры, или воспитатели, или оперуполномоченные заходили на дружеское собеседование в барак блатных, воришки-малолетки оскорбляли их лучшие чувства тем, что в разговоре вытаскивали из их карманов записные книжки, кошельки, или с верхних нар вдруг оборачивали куму фуражку козырьком на затылок – небывалое для ГУЛага обращение! – но и обстановка

сложилась невиданная! Воры и раньше всегда считали своих гулаговских отцов – дураками, они тем больше презирали их всегда, чем те индюшачее верили в успехи перековки, они до хохота презирали их, выходя на трибуну или перед

микрофон рассказать о начале новой жизни с тачкою в руках. Но до сих пор не надо было с ними ссориться. А сейчас конвенция с политическими направляла освободившиеся силы блатных как раз против хозяев.

Так, имея низкий административный рассудок и лишённые высокого человеческого разума, гулаговские власти сами подготовили кенгирский взрыв: сперва бессмысленными застрелами, потом – вливом воровского горячего в этот

накалённый воздух.

События шли необратимо. Нельзя было политическим не предложить ворами войны или союза. Нельзя было ворами отказываться от союза. А установленному союзу нельзя было коснеть – он бы распался и открылась бы внутренняя война.

Надо было начинать, что-нибудь, но начинать! А так как начинателей, если они из Пятьдесят Восьмой, подвешивают потом в верёвочных петлях, а если они воры – только журят на политбеседах, то воры и предложили: мы –

начнём, а вы – поддержите!

Заметим, что всё кенгирское лагерное отделение представляло собой единый прямоугольник с общей внешней зоной, внутри которой, поперёк длины, нарезаны были внутренние зоны: сперва 1-го лагпункта (женского), потом хоздвора (о его индустриальной мощи мы говорили), потом 2-го лагпункта, потом 3-го, а потом – тюремного, где стояли две тюрьмы – старая и новая, и

куда сажали не только лагерников, но и вольных жителей поселка.

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Естественной первой целью было – взять хозяйственный двор, где располагались также и все продовольственные склады лагеря. Операцию начали

днём в нерабочее воскресенье 16 мая 1954 года. Сперва все мобили влезли на крыши своих бараков и усеяли стену между 3-м и 2-м лагпунктами. Потом по команде паханов, оставшихся на высотах, они с палками в руках спрыгивали во 2-й лагпункт, там выстроились в колонну и так строем пошли по линейке. А линейка вела по оси 2-го лагпункта – к железным воротам хоздвора, в которые и упирались.

Все эти ничуть не скрываемые действия заняли какое-то время, за которое надзор успел сорганизоваться и получить инструкции. И вот интересно! – надзиратели стали бегать по баракам Пятьдесят Восьмой и к ним, тридцать пять лет давным, как мразь, взывать: "Ребята! Смотрите! Воры идут ломать женскую зону! Они идут насиловать ваших жён и дочерей! Выходите не помощь! Отобьём их!" Но уговор был уговор, и кто рванулся, о нём не зная, того остановили. Хотя очень вероятно, что при виде котлет коты не выдерживают условий конвенции, – надзор не нашёл себе помощников из Пятьдесят Восьмой.

Уж как там защищал бы надзор от своих любимцев женскую зону – неизвестно, но прежде предстояло ему защитить склады хоздвора. И ворота

хоздвора распахнулись, и навстречу наступающим вышел взвод безоружных солдат, а сзади ими руководил Бородавка-Беляев, который то ли от усердия оказался в воскресенье в зоне, то ли потому что дежурил. Солдаты стали отталкивать мобилей, нарушили их строй. Не применяя дрынов, воры стали отступать к своему 3-му лагпункту и карабкаться снова на стену, а со стены их резерв бросал в солдат камнями и саманами, прикрывая отступление.

Разумеется, никаких арестов среди воров не последовало. Всё ещё видя в этом лишь резвую шалость, начальство дало лагерному воскресенью спокойно течь к отбою. Без приключений был роздан обед, а вечером с темнотою близ столовой 2-го лагпункта стали, как в летнем кинотеатре, показывать фильм "Римский-Корсаков".

Но отважный композитор не успел ещё уволиться из консерватории, протестуя против гонений на свободу, как зазвенели от камней фонари на зоне: мобили били по ним из рогаток, гася освещение зоны. Уже их полно тут сновало в темноте по 2-му лагпункту, и залихватые их разбойничьи свисты резали воздух. Бревном они рассадили ворота хоздвора, хлынули туда, а оттуда рельсом сделали пролом и в женскую зону. (Были с ними и молодые из Пятьдесят Восьмой).

При свете боевых ракет, запускаемых с вышек, всё тот же опер капитан Беляев ворвался в хоздвор извне, через его вахту, со взводом автоматчиков и

– впервые в истории ГУЛага! – открыл огонь по социально-близким! Были убитые и несколько десятков раненых. А ещё – бежали сзади краснопогонники

со штыками и докалывали раненых. А ещё сзади, по разделению карательного труда, принятому уже в Экибастузе, и в Норильске, и на Воркуте, бежали надзиратели с железными ломами и этими ломами досмерти добивали раненых. (В ту ночь в больнице второго лагпункта засветилась операционная, и заключённый хирург испанец Фустер оперировал.)

Хоздвор теперь был прочно занят карателями, пулемётчики там расставились. А 2-й лагпункт (мобили сыграли свою увертюру, теперь вступили политические) соорудил против хозворот барикаду. 2-й и 3-й лагпункты соединились проломом, и больше не было в них надзирателей, не было власти МВД.

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Но что случилось с тем, кто успел прорваться на женский лагпункт и теперь отрезан был там? События перемахнули через развязное презрение, с которым блатные оценивают баб. Когда в хоздворе загрели выстрелы, то проломившиеся сюда, к женщинам, были уже не жадные добытки, а – товарищи

по судьбе. Женщины спрятали их. На поимку вошли безоружные солдаты, потом – и вооружённые. Женщины мешали им искать и отбивались. Солдаты били женщин кулаками и прикладами, таскали и в тюрьму (в жензоне была предусмотрительно своя тюрьма), а в иных мужчин стреляли.

Испытывая недостаток карательного состава, командование ввело в женскую зону "чернопогонников" – солдат строительного батальона, стоявшего в Кенгире. Однако солдаты стройбата отказались от несолдатского дела! – и пришлось их увести.

А между тем именно здесь, в женской зоне, было главное политическое оправдание, которым перед своими высшими могли защититься каратели! Они вовсе не были простаками! Прочли ли они где-нибудь такое или придумали, но в понедельник впустили в женскую зону фотографов и двух-трёх своих верзил, переодетых в заключённых. Подставные морды стали терзать женщин, а фотографы фотографировать. Вот от какого произвола защищая слабых женщин, капитан Беляев вынужден был открыть огонь!

В утренние часы понедельника напряжённость сгустилась над баррикадой и проломленными воротами хоздвора. В хоздворе лежали неубранные трупы. Пулемётчики лежали за пулемётами, направленными на те же всё ворота.

В освобожденных мужских зонах ломали вагонки на оружие, делали щиты из досок, из матрацев. Через баррикаду кричали палачам, а те отвечали. Что-то должно было сдвинуться, положение было неустойчиво слишком. Зэки на баррикаде готовы были и сами идти в атаку. Несколько исхудалых сняли рубахи, поднялись на баррикаде и, показывая пулемётчикам свои костлявые груди и рёбра, кричали: "Ну, стреляете, что же! Бейте по отцам! Добивайте!"

И вдруг на хоздвор к офицеру прибежал с запиской боец. Офицер распорядился взять трупы, и вместе с ними краснопогонники покинули хоздвор.

Минут пять на баррикаде было молчание и недоверие. Потом первые зэки осторожно заглянули в хоздвор. Он был пуст, только валялись там и здесь лагерные чёрные картузики убитых с нашитыми лоскутиками номеров.

(Позже узнали, что очистить хоздвор приказал министр внутренних дел Казахстана, он только что прилетел из Алма-Аты. Унесенные трупы отвезли в степь и закопали, чтоб устранить экспертизу, если её потом потребуют.)

Покатилось "Ура-а-а!.. Ура-а-а.." – и хлынули в хоздвор и дальше в женскую тюрьму – и всё соединилось! Всё было свободно внутри главной зоны!

– только 4-й тюремный лагпункт оставался тюрьмой.

На всех вышках стало по четыре краснопогонника! – было кому в уши вбирать оскорбления! Против вышек собирались и кричали им (а женщины,

конечно, больше всех): "Вы – хуже фашистов!.. кровопийцы!.. убийцы!.."

Обнаружился, конечно, в лагере священник и не один, и в морге уже служили панихидную службу по убитым и умершим от ран.

Что за ощущения могут быть те, которые рвут грудь восьми тысячам человек, всё время и давеча и только что бывших разобращёнными рабами – и вот

соединившихся и освободившихся, не по-настоящему хотя бы, но даже в

прямоугольнике этих стен, под взглядами этих счетверённых конвоиров?!

Экибастузское голодное лежание в запертых бараках – и то ощущалось

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru прикосновением к свободе! А тут – февральская революция! Столько подавленное – и вот прорвавшееся братство людей! И мы любим блатных! И блатные любят нас! (Да куда денешься, кровью скрепили! Да ведь они от своего

закона отошли!) И еще больше, конечно, мы любим женщин, которые вот опять рядом с нами, как полагается в человечестве, и сестры наши по судьбе!

В столовой прокламации: "Вооружайся, чем можешь, и нападай на войска первый!" На кусках газет (другой бумаги нет) чёрными или цветными буквами самые горячие уже вывели в спешке свои лозунги: "Хлопцы, бейте чекистов!" "Смерть стукачам, чекистским холоуям!" В одном-другом-третьем месте лагеря, только успевай – митинги, ораторы! И каждый предлагает своё! Думай – тебе

думать разрешено – за кого ты? Какие выставить требования? Чего мы хотим?

Под суд Беляева! – это понятно! Под суд убийц! – это понятно. А дальше?..

Не запирать барачков, снять номера! – а дальше?..

А дальше – самое страшное: для чего это начато и чего мы хотим? Мы хотим, конечно, свободы, одной свободы! – но кто ж нам её даст? Те суды, которые нас осудили – в Москве. И пока мы недовольны Степлагом или Карагандой, с нами еще разговаривают. Но если мы скажем, что недовольны

Москвой... нас всех в этой степи закопают.

А тогда – чего мы хотим? Проламывать стены? Разбежаться в пустыню?.. Часы свободы! Пуды цепей свалились с рук и плеч! Нет, всё равно не

жаль! – этот день стоил того!

А в конце понедельника в бушующий лагерь приходит делегация от начальства. Делегация вполне благожелательна, они не смотрят зверьми, они без автоматов, да ведь и то сказать – они же не подручные кровавого Берии.

Мы узнаем, что из Москвы прилетели генералы – гулаговский Бочков, и заместитель генерального прокурора Вавилов. (Они служили и при Берии, но

зачем беречь старое?) Они считают, что наши требования вполне справедливы! (Мы сами ахаем: справедливы? Так мы не бунтовщики? Нет-нет, вполне справедливы!) "Виновные в расстреле будут привлечены к ответственности!" –

"А за что женщин избили?" – "Женщин избили? – поражается делегация. – Быть этого не может". Аня Михалевиц приводит им вереницу избитых женщин.

Комиссия растрогана: "Разберёмся, разберёмся!" – "Звери!" – кричит генералу Люба Бершадская. Еще кричат: "Не запирать барачков!" – "Не будем

запирать". – "Снять номера!" – "Обязательно снимем", – уверяет генерал, которого мы в глаза никогда не видели (и не увидим). – "Проломы между

зонами – пусть остаются! – наглеем мы. – Мы должны общаться!" – "Хорошо, общайтесь, – согласен генерал. – Пусть проломы остаются". Так братцы, чего нам еще надо? Мы же победили!! Один день побушевали, порадовались, покипели

– и победили! И хотя среди нас качают головами и говорят – обман, обман!

– мы верим! Мы верим нашему в общем неплохому начальству! Мы верим потому, что так нам легче всего выйти из положения...

А что остаётся угнетённым, если не верить? Быть обманутыми – и снова верить. И снова быть обманутыми – и снова верить.

И во вторник 18 мая все кенгирские лагпункты вышли на работу, примирясь со своими мертвецами.

И еще в это утро всё могло кончиться тихо! Но высокие генералы, собравшиеся в Кенгире, считали бы такой исход своим поражением. Не могли же они серьёзно

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru признать правоту заключённых! Не могли же они серьёзно наказывать военнослужащих МВД! Их низкий рассудок извлёк один только урок: недостаточно были укреплены межзонные стены! Там надо сделать огневые зоны!

И в этот день усердное начальство впрягло в работу тех, кто отвык работать годами и десятилетиями: офицеры и надзиратели надевали фартуки: кто знал, как взяться – брал в руки мастеров; солдаты, свободные от вышек,

катили тачки, несли носилки; инвалиды, оставшиеся в зонах, подтаскивали и поднимали саманы. И к вечеру заложены были проломы, восстановлены разбитые фонари, вдоль внутренних стен проложены запретные полосы и на концах поставлены часовые с командой: открывать огонь!

А когда вечером колонны заключённых, отдавших труд дневной государству, входили снова в лагерь, их спешно гнали на ужин, не давая опомниться, чтобы поскорей запереть. По генеральской диспозиции, нужно было выиграть этот первый вечер – вечер слишком явного обмана после вчерашних обещаний, – а

там как-нибудь привыкнется и втянется в колею.

Но раздалась перед сумерками те же залихватые разбойничьи свисты, что и в воскресенье – переключались ими третья и вторая зоны, как на большом хулиганском гуляньи (эти свисты были еще один удачный вклад блатных в общее дело). И надзиратели дрогнули, не кончили своих обязанностей и убежали из зон. Один только офицер сплеховал (старший лейтенант интендантской службы Медведев), задержался по своим делам и взят был до утра в плен.

Лагерь остался за зэками, но они были разделены. По подступившимся к внутренним стенам – вышки открывали пулемётный огонь. Нескольких уложили,

нескольких ранили. Фонари опять все перебили из рогаток, но вышки светили ракетами. Вот тут второй зоне пригодился хозофицер: с одним оторванным погоном его привязали к концу стола, выдвинули к предзоннику, и он вопил своим: "Не стреляйте, я здесь! Здесь я, не стреляйте!"

Длинными столами били по колючке, по свежим столбикам предзонника, но под огнём нельзя было ни проломить стену, ни лезть через неё – значит, надо

было подкопаться. Как всегда, в зоне не было лопат, кроме пожарных. Пошли в ход поварские ножи, миски.

В эту ночь, с 18 на 19 мая, прошли подкопами все стены и снова соединили все лагпункты и хоздвор. Теперь вышки перестали стрелять, а инструмента на хоздворе было вдоволь. Вся дневная работа каменщиков с погонами пошла на смарку. Под кровом ночи ломали предзонники, пробивали стены и расширяли проходы, чтобы не стали они западней (в другие дни их сделали шириной метров в двадцать).

В эту же ночь проббили стену и в 4-й лагпункт, тюремный. Надзорсостав, охранявший тюрьмы, бежал кто к вахте, кто к вышкам, им спускали лестницы. Узники громили следственные кабинеты. Тут были освобождены из тюрьмы и те, кому предстояло стать во главе восстания: бывший полковник Красной армии Капитон Кузнецов (выпускник Фрунзенской академии, уже немолодой; после войны он командовал полком в Германии, и кто-то у него сбежал в Западную – за это

и получил он срок; а в лагерной тюрьме он сидел "за очернение лагерной действительности" в письмах, отосланных через вольняшек); бывший старший лейтенант Красной армии Глеб Слученков (он был в плену; как некоторые говорят – и власовцем).

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

В "новой" тюрьме сидели жители посёлка Кенгира, бытовики. Сперва они поняли так, что в стране – всеобщая революция, и с ликованием приняли

неожиданную свободу. Но быстро узнав, что революция – слишком местного значения, бытовики лояльно вернулись в свой каменный мешок и безо всякой охраны честно жили там весь срок восстания – лишь за едой ходили в столовую мятежных зэков.

Мятежных зэков! – которые уже трижды старались оттолкнуть от себя и этот мятеж и эту свободу. Как обращаться с такими дарами, они не знали, и

больше боялись их, чем жаждали. Но с неуклонностью морского прибоя их бросало и бросало в этот мятеж.

Что оставалось им? Верить обещаниям? Снова обманут, это хорошо показали рабовладельцы вчера, да и раньше. Стать на колени? Но они все годы стояли так и не выслужили милости. Проситься сегодня же быть наказанными? – но

наказание сегодня, как и через месяц свободной жизни, будет одинаково жестоко от тех, чьи суды работают машинно: если четвертаки, так уж всем вкруговую, без пропуска.

Бежит же беглец, чтоб испытать хоть один день свободной жизни! Так и эти восемь тысяч человек не столько подняли мятеж, сколько бежали в свободу, хоть не надолго! Восемь тысяч человек вдруг из рабов стали свободными, и предоставилось им – жить! Привычно ожесточенные лица смягчились до добрых

улыбок. Женщины увидели мужчин, и мужчины взяли их за руки. Те, кто переписывались изошрёнными тайными путями и никогда не видели друг друга – теперь познакомились! Те литовки, чьи браки заключали ксёндзы через стену, теперь увидели своих законных по церкви мужей – их брак спустился от

Господа на землю! Сектантам и верующим впервые за их жизнь никто не мешал собираться и молиться. Рассеянные по всем зонам одинокие иностранцы теперь находили друг друга и говорили на своём языке об этой странной азиатской революции. Все продовольствие лагеря оказалось в руках заключённых. Никто не гнал на развод и на одиннадцатичасовой рабочий день.

Над бессонным взбудораженным лагерем, сорвавшим с себя собачьи номера, рассвело утро 19 мая. На проволоках свисали столбики с побитыми фонарями. По траншейным проходам и без них зэки свободно двигались из зоны в зону. Многие надевали свою вольную одежду, взятую из каптерки. Кое-кто из хлопцев нахлобучил папахи и кубанки. (Скоро будут и расшитые рубашки, на азиатах –

цветные халаты и тюрбаны, серо-чёрный лагерь расцветёт.)

Ходили по баракам дневальные и звали в большую столовую на выборы Комиссии – комиссии для переговоров с начальством и для самоуправления (так

скромно, так боязливо она себя назвала).

Её избирали может быть на несколько всего часов, но суждено было ей стать сорокадневным правительством кенгирского лагеря.

Если б это всё свершилось на два года раньше, то из одного только страха, чтоб не узнал сам, степлаговское хозяева не стали бы медлить, а отдали б известный приказ – "патронов не жалеть!", и с вышек перестреляли

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru бы всю эту загнанную в стены толпу. И надо ли было бы при этом уложить все восемь тысяч или четыре – ничто бы в них не дрогнуло, потому что были они несодрогаемые.

Но сложность обстановки 1954 года заставляла их мяться. Тот же Вавилов и тот же Бочков ощущали в Москве некоторые новые веяния. Здесь уже постреляно было немало, и сейчас изыскивалось, как придать сделанному законный вид. И так создалась заминка, а значит – время для мятежников

начать свою независимую новую жизнь.

В первые же часы предстояло определиться политической линии мятежа, а значит бытию его или небытию. Повлечется ли должен был он за теми простосердечными листовками поверх газетных механических столбцов: "Хлопцы, бейте чекистов"?

Едва выйдя из тюрьмы – и тут же силою обстоятельств, военной ли хваткой, советами ли друзей или внутренним позывом направляясь к

руководству, Капитон Иванович Кузнецов сразу, видимо, принял сторону и понимание немногочисленных и затёртых в Кенгире ортодоксов: "Пресечь эту стряпню (листовки), пресечь антисоветский и контрреволюционный дух тех, кто хочет воспользоваться нашими событиями!" (Эти выражения я цитирую по записям другого члена Комиссии А. Ф. Макеева об узком разговоре в вещкаптерке Петра

Акоева. Ортодоксы кивали Кузнецову: "Да за эти листовки нам всем начнут мотать новые сроки".)

В первые же часы, еще ночные, обходя все бараки и до хрипоты держа там речи, а с утра потом на собрании в столовой и еще позже не раз, полковник Кузнецов, встречая настроения крайние и озлобленность жизней, настолько растоптанных, что им, кажется, уже нечего было терять, повторял и повторял, не уставая:

– Антисоветчина – была бы наша смерть. Если мы выставим сейчас антисоветские лозунги – нас подавят немедленно. Они только и ждут предлога

для подавления. При таких листовках они будут иметь полное оправдание расстрелов. Спасение наше – в лояльности. Мы должны разговаривать с московскими представителями как подобает советским гражданам!

И уже громче потом: "Мы не допустим такого поведения отдельных провокаторов!" (Да впрочем, пока он те речи держал, а на вагонках громко целовались. Не очень-то в речи его и вникали.)

Это подобно тому, как если бы поезд вёз вас не в ту сторону, куда вы хотите, и вы решили бы соскочить с него – вам пришлось бы соскакать по

ходу, а не против. В этом инерция истории. Далеко не все хотели бы так, но разумность такой линии была сразу понята и победила. Очень быстро по лагерю были развешаны крупные лозунги, хорошо читаемые с вышек и от вахт:

"Да здравствует Советская Конституция!"

"Да здравствует Президиум ЦК!"

"Да здравствует советская власть!"

"Требуем приезда члена ЦК и пересмотра наших дел!"

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
"Долой убийц-бериевцев!"

"Жёны офицеров Степлага! Вам не стыдно быть ёнами убийц?"

Хотя большинству кенгирцев было отлично ясно, что все миллионные расправы, далекие и близкие, произошли под болотным солнцем этой конституции и утверждены этим составом Политбюро, им ничего не оставалось, как писать -

да здравствует эта конституция и это Политбюро. И теперь, перечитывая лозунги, мятежные арестанты нащупали законную твёрдость под ногами и стали успокаиваться: движение их - не безнадёжно.

А над столовой, где только прошли выборы, поднялся видный всему посёлку флаг. Он висел потом долго: белое поле, чёрная кайма, а в середине красный санитарный крест. По международному морскому коду флаг этот значил:

"Терпим бедствие!" На борту - женщины и дети".

В Комиссию было избрано человек двенадцать во главе с Кузнецовым. Комиссия сразу специализировалась и создала отделы:

- агитации и пропаганды (руководил им литовец Кнопкус, штрафник из Норильска после тамошнего восстания)

- быта и хозяйства

- питания

- внутренней безопасности (Глеб Слученков)

- военный и

- технический, пожалуй самый удивительный в этом лагере ном правительстве.

Бывшему майору Михееву были поручены контакты с начальством. В составе Комиссии был и один из воровских паханов, он тоже чем-то ведал. Были и женщины (очевидно: Шахновская, экономист, партийная, уже седая; Супрун, пожилая учительница из Прикарпатья; Люба Бершадская).

Вошли ли в эту Комиссию главные подлинные вдохновители восстания? Очевидно, нет. Центры, а особенно украинский (во всём лагере русских было не больше четверти), очевидно остались сами по себе. Михаил Келлер, украинский партизан, с 1941-го воевавший то против немцев, то против советских, а в Кенгире публично зарубивший стукача, являлся на заседания Комиссии молчаливым наблюдателем от того штаба.

Комиссия открыто работала в канцелярии женского лагпункта, но военный отдел вынес свой командный пункт (полевой штаб) в баню 2-го лагпункта. Отделы принялись за работу. Первые дни были особенно оживлёнными: надо было всё придумать и наладить.

Прежде всего надо было укрепиться. (Михеев, ожидавший неизбежного войскового подавления, был против создания какой-либо обороны. На ней настояли Слученков и Кнопкус.) Много самана образовалось от широких расчищенных проломов во внутренних стенах. Из этого самана сделали баррикады против всех вахт, т.е. выходов вовне (и входов извне), которые остались во власти охранников и любой из которых в любую минуту мог открыться для пропуска карателей. В достатке нашлись на хоздворе бухты колючей проволоки. Из неё наматывали и разбрасывали на угрожаемых направлениях спирали Бруно. Не упустили кое-где выставить и дощечки: "Осторожно! Минировано!"

А это была одна из первых затей Технического отдела. Вокруг работы отдела была создана большая таинственность. В захваченном хоздворе Техотдел завел секретные помещения, на входе в которые нарисованы были череп, скрещенные кости и написано: "Напряжение 100 000 вольт". Туда допускались лишь несколько работающих там человек. Так даже заключённые не стали знать, чем занимается Техотдел. Очень

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru скоро распространен был слух, что изготавливает он секретное оружие по химической части. Так как и экам и хозяевам было хорошо известно, какие умники-инженеры здесь сидят, то легко распространилось суеверное убеждение, что они всё могут, и даже изобрести такое оружие, какого еще не придумали в Москве. А уж сделать какие-то мины несчастные, используя реактивы, бывшие на хоздворе – отчего же нет? И так

дощечки "минировано" воспринимались серьезно.

И еще придумано было оружие: ящики с толчёным стеклом у входа в каждый барак (засыпать глаза автоматчикам).

Все бригады сохранились как были, но стали называться взводами, бараки

– отрядами, и назначены были командиры отрядов, подчиненные Военному отделу. Начальником всех караулов стал Михаил Келлер. По точному графику все

угрожаемые места занимали пикеты, особенно усиленные в ночное время. Учитывая ту особенность мужской психологии, что при женщине мужчина не побежит и вообще проявит себя храбрее, пикеты составляли смешанные. А женщин в Кенгире оказалось много не только горластых, но и смелых, особенно среди украинских девушек, которых и было в женском лагпункте большинство.

Не дожидаясь теперь доброй воли барина, сами начинали снимать оконные решётки с барачков. Первые два дня, пока хозяева не догадались отключить лагерную электросеть, еще работали станки в хоздворе и из прутьев этих решеток сделали множество пик, заостряя и обтачивая их концы. Вообще кузня и станочники эти первые дни непрерывно делали оружие: ножи, алебарды-секиры и сабли, особенно излюбленные блатными (к эфесам цепляли бубенчики из цветной кожи). У иных появлялись в руках кистени.

Вскинув пики над плечами, пикеты шли занимать свои ночные посты. И женские взводы, направляемые на ночь в мужскую зону в отведённые для них секции, чтобы по тревоге высыпать навстречу наступающим (было наивное предположение, что палачи постесняются давить женщин), шли ошетиленные кончиками пик.

Это всё было бы невозможно, рассыпалось бы от глумления или от похоти, если бы не было овеяно суровым и чистым воздухом мятежа. Пики и сабли были для нашего века игрушечные, но не игрушечной была для этих людей тюрьма в прошлом и тюрьма в будущем. Пики были игрушечные, но хоть их послала судьба!

– эту первую возможность защищать свою волю. В пуританском воздухе ранней революции, когда присутствие женщины на баррикаде тоже становится оружием,

– мужчины и женщины держались достойно тому и достойно несли свои пики остриями в небо.

Если кто в эти дни и вёл расчёты низменного сладострастия, то – хозяева в голубых погонах там, за зоной. Их расчёт был, что предоставленные

на неделю сами себе, заключённые захлебнуться в разврате. Они так и

изображали это жителям поселка, что заключённые взбунтовались для разврата.

(Конечно, чего другого могло не доставать арестантам в их обеспеченной судьбе?)⁵

Главный же расчёт начальства был, что блатные начнут насиловать женщин, политические вступятся, и пойдет резня. Но и здесь ошиблись психологи МВД!

– и это стоит нашего удивления тоже. Все свидетельствуют, что воры вели себя как люди, но не в их традиционном значении этого слова, а в нашем.

Встречно – и политические и сами женщины относились к ним подчеркнуто дружелюбно, с доверием. А что скрытой того – не относится к нам. Может быть ворами всё время помнились и кровавые их жертвы в первое воскресенье.

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Если кенгирскому мятежу можно приписать в чём-то силу, то сила была - в единстве.

Не посягали воровы и на продовольственный склад, что, для знающих, удивительно не менее. Хотя на складе было продуктов на многие месяцы, Комиссия, посоветовавшись, решила оставить все прежние нормы на хлеб и другие продукты. Верноподданная боязнь переест казенный харч и потом отвечать за растрату! Как будто за столько голодных лет государство не задолжало арестантам! Наоборот (вспоминает Михеев) каких-то продуктов не доставало за зоной и снабженцы Управления просили отпускать им из лагеря эти продукты. Имелись фрукты из расчёта более высоких норм (для вольных!) - и зэки

отпускали.

Лагерная бухгалтерия выписывала продукты в прежней норме, кухня получала, варила, но в новом революционном воздухе не воровала сама, и не являлся посланец от блатных с указанием носить для людей. И не наливалось лишнего черпака придуркам. И вдруг оказалось, что из той же нормы - еды

стало заметно больше!

И если блатные продавали вещи (то есть, награбленные прежде в другом месте), то не являлись тут же по своему обыкновению отбирать их назад. "Теперь не такое время" - говорили они...

Даже ларьки от местного ОРСа продолжали торговать в зонах. Вольной инкассаторше штаб обещал безопасность. Она без надзирателей допускалась в зону и здесь в сопровождении двух девушек обходила все ларьки и собирала у продавцов их выручку - боны. (Но боны, конечно, скоро кончились, да и новых

товаров хозяева в зону не пропускали.)

В руках у хозяев оставалось еще три вида снабжения зоны: электричество, вода, медикаменты. Воздухом распоряжались, как известно, не они. Медикаментов не дали в зону за сорок дней ни порошка, ни капли иода. Электричество отрезали дня через два-три. Водопровод - оставили.

Технический отдел начал борьбу за свет. Сперва придумали крючки на тонкой проволоке забрасывать с силой на внешнюю линию, идущую за лагерной стеной - и так несколько дней воровали ток, пока щупальцы не были

обнаружены и отрезаны. За это время Техотдел успел испробовать ветряк и отказаться от него и стал на хоздворе (в укрытом месте от прозора с вышек и от низко летающих самолетов У-2) монтировать гидроэлектростанцию, работающую от... водопроводного крана. Мотор, бывший на хоздворе, обратили в генератор и так стали питать телефонную лагерную сеть, освещение штаба и...

радиопередатчик! А в бараках светили лучины... Уникальная эта гидростанция работала до последнего дня мятежа.

В самом начале мятежа генералы приходили в зону как хозяева. Правда, нашёлся и Кузнецов: на первые переговоры он велел вынести из морга убитых и громко скомандовал: "Головные уборы - снять!" Обнажили головы зэки - и

генералам тоже пришлось снять военные картузы перед своими жертвами. Но инициатива осталась за гулаговским генералом Бочковым. Одобрив избрание Комиссии ("нельзя ж со всеми сразу разговаривать"), он потребовал, чтоб депутаты на переговорах сперва рассказали о своём следственном деле (и Кузнецов стал длинно и может быть охотно излагать своё); чтобы зэки при

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru выступлениях непременно вставляли. Когда кто-то сказал: "Заключённые требуют..." Бочков с чувствительностью возразил: "Заключённые могут только просить, а не требовать!" и установилась эта форма - "заключённые просят".

На просьбы заключённых Бочков ответил лекцией о строительстве социализма, небывалом подъёме народного хозяйства, об успехах китайской революции. Самодовольное косоое ввинчивание шурупа в мозг, отчего мы всегда слабеем и немеет... Он пришёл в зону, чтобы разъяснить, почему применение оружия было правильным (скоро они заявят, что вообще никакой стрельбы по зоне не было, это ложь бандитов, и избиений тоже не было). Он просто изумился, что смеют просить его нарушить "инструкцию о раздельном содержании зэ-ка - зэ-ка". (Они так говорят о своих инструкциях, будто это довечные и

домировые законы.)

Вскоре прилетели на "Дугласах" еще новые и более важные генералы: Долгих (будто бы в то время - начальник ГУЛага) и Егоров (зам. министра МВД

СССР). Было назначено собрание в столовой, куда собралось до двух тысяч заключённых. И Кузнецов скомандовал: "Внимание! Встать! Смирно!", и с почетом пригласил генералов в президиум, а сам по субординации стоял сбоку. (Иначе вёл себя Слученков. Когда из генералов кто-то обронил о врагах здесь, Слученков звонко им ответил: "А кто и_з_в_а_с не оказался враг? Ягода -

враг, Ежов - враг, Абакумов - враг, Берия - враг. Откуда мы знаем, что Круглов - лучше?")

Макеев, судя по его записям, составил проект соглашения, по которому начальство обещало бы никого не этапировать и не репрессировать, начать расследование, а зэки за то соглашались немедленно приступить к работе. Однако когда он и его единомышленники стали ходить по баракам и предлагали принять проект, зэки честили их "лысыми комсомольцами", "уполномоченными по заготовкам" и "чекистскими холуями". Особенно враждебно встретили их на женском лагпункте и особенно неприемлемо было для зэков согласиться теперь на разделение мужских и женской зон. (Рассерженный Макеев отвечал своим возражателям: "А ты подержался за сисю у Параси и думаешь, что кончилась советская власть? Советская власть на своём стоит, всё равно!")

Дни текли. Не спуская с зоны глаз - солдатских с вышек, надзирательских оттуда же (надзиратели, как знающие зэков в лицо, должны

были опознавать и запоминать, кто что делает) и даже глаз лётчиков (может

быть, с фотосъёмкой) - генералы с огорчением должны были заключить, что в

зоне нет резни, нет погрома, нет насилий, лагерь сам собой не разваливается,

и повода нет вести войска на выручку.

Лагерь - стоял, и переговоры меняли характер. Золотопогонники в разных сочетаниях продолжали ходить в зону для убеждения и бесед. Их всех пропускать, но приходилось им для этого брать в руки белые флаги, а после вахты хоздвора, главного теперь входа в лагерь, перед баррикадой, сносить обыск, когда какая-нибудь украинская дивчина в телогрейке охлопывала генеральские карманы, нет ли там пистолета или гранат. Зато штаб мятежников гарантировал им личную безопасность!..

Генералов проводили там, где можно (конечно, не по секретной зоне хоздвора), и давали им разговаривать с зэками и собирали для них большие собрания по лагпунктам. Блеща погонями, хозяева и тут рассаживались в президиумах - как раньше, как ни в чём не бывало.

Арестанты выпускали ораторов. Но как трудно было говорить! - не только потому, что каждый писал себе этой речью будущий приговор, но и потому, что слишком разошлись знания жизни и представления об истине у серых и голубых, и почти

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru ничем уже нельзя было пронять и просветить эти дородные благополучные туши, эти лоснящиеся дынные головы. Кажется, очень их рассердил старый ленинградский рабочий, коммунист и участник революции. Он спрашивал их, что будет за коммунизм, если офицеры пасутся на хоздворе, из ворованного с обогатительной фабрики свинца заставляют делать себе дробь для браконьерства; если огороды им копают заключённые; если для начальника лагпункта, когда он моется в бане, расстилаются ковры и играет оркестр.

Чтоб меньше было такого бестолкового крику, эти собеседования принимали и вид прямых переговоров по высокому дипломатическому образцу: в июне как-то поставили в женской зоне долгий столовский стол и по одну сторону на скамье расселись золотопогонники, а позади них стали допущенные для охраны автоматчики. По другую сторону стола сели члены Комиссии, и тоже была охрана

- очень серьёзно стояла она с саблями, пиками и рогатками. А дальше подталпливались зэки - слушать толковище, и подкрикивали. (И стол не был без угощений! - из теплиц хоздвора принесли свежие огурцы, с кухни - квас.

Золотопогонники грызли огурцы, не стесняясь...)

Требования-просьбы восставших были приняты еще в первые два дня и теперь повторялись многократно:

- наказать убийцу евангелиста;
- наказать всех виновных в убийствах с воскресенья на понедельник в хоздворе;
- наказать тех, кто избивал женщин;
- вернуть в лагерь тех товарищей, которые за забастовку незаконно посланы в закрытые тюрьмы;
- не надевать больше номеров, не ставить на бараки решёток, не запирают бараков;
- не восстанавливать внутренних стен между лагпунктами;
- восьмичасовой рабочий день, как у вольных;
- увеличение оплаты за труд (уж не шла речь о равенстве с вольными),
- свободная переписка с родственниками и иногда свидания;
- пересмотр дел.

И хотя ни одно требование тут не сотрясало устоев и не противоречило конституции (а многие были только - просьба о возврате в старое положение),

- но невозможно было хозяевам принять ни мельчайшего из них, потому что эти подстриженные жирные затылки, эти лысины и фуражки давно отучились признавать свою ошибку или вину. И отвратна, и неузнаваема была для них истина, если проявлялась она не в секретных инструкциях высших инстанций, а из уст чёрного народа.

Но всё-таки затянувшееся это сидение восьми тысяч в осаде клало пятно на репутацию генералов, могло испортить их служебное положение, и поэтому они обещали. Они обещали, что требования эти почти все можно выполнить, только вот (для правдоподобия) трудно будет оставить открытой женскую зону, это не положено (как будто в ИТЛ двадцать лет было иначе!), но можно будет обдумать, какие-нибудь устроить дни встреч. А вот начать в зоне работу следственной комиссии (по обстоятельствам расстрелов) генералы внезапно согласились. (Но Слученков разгадал и настоял, чтоб этого не было: под видом показаний будут стукачи дуть на всё, что происходит в зоне.) Пересмотр дел? Что ж, и дела, конечно, будут пересматривать, только надо подождать. Но что совершенно безотложно - надо выходить на работу! на работу! на работу!

А уж это зэки знали: разделить на колонны, оружием положить на землю, арестовать зачинщиков.

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Нет, - отвечали они через стол и с трибуны. Нет! - кричали из толпы. Управление Степлага вело себя провокационно! Мы не верим руководству

Степлага! Мы не верим МВД!

- Даже МВД не верите? - поражался заместитель министра, вытирая лоб от крамолы.
- Да кто внушил вам такую ненависть к МВД?

Загадка.

- Члена Президиума ЦК! Члена Президиум ЦК! Тогда поверим! - кричали зэки.

- Смотрите! - угрожали генералы. - Будет хуже!

Но тут вставал Кузнецов. Он говорил складно, легко и держался гордо.

- Если войдёте в зону с оружием, - предупреждал он, - не забывайте, что здесь половина людей - бравших Берлин. Овладеют и вашим оружием!

Капитан Кузнецов! Будущий историк кенгирского мятежа разъяснит нам этого человека. Как понимал и переживал он свою посадку? В каком состоянии представлял своё судебное дело? давно ли просил о пересмотре, если в самые дни мятежа ему пришло из Москвы освобождение (кажется, с реабилитацией)? Только ли профессионально-военной была его гордость, что в таком порядке он содержит мятежный лагерь? Встал ли он во главе движения потому, что оно его захватило? (Я это отвергаю.) Или, зная командные свои способности - для

того, чтобы умерить его, ввести в берега и укрощённой волною положить под сапоги начальству? (Так думаю.) Во встречах, переговорах и через

второстепенных лиц он имел возможность передать карателям то, что хотел, и услышать от них. Например, в июне был случай, когда отправляли за зону для переговоров ловкача Маркосяна с поручением от Комиссии. Воспользовался ли такими случаями Кузнецов? Допускаю, что и нет. Его позиция могла быть самостоятельной, гордой.

Два телохранителя - два огромных украинских хлопца, всё время сопровождали Кузнецова, с ножами на боку.

Для защиты? Для расплаты?

(Макеев утверждает, что в дни восстания была у Кузнецова и временная жена - тоже бендеровка.)

Глебу Слученкову было лет тридцать. Это значит, в немецкий плен он попал лет девятнадцати. Сейчас, как и Кузнецов, он ходил в прежней своей военной форме, сохранённой в каптёрке, выявляя и подчёркивая военную косточку. Он чуть прихрамывал, но это искупалось большой подвижностью.

На переговорах он вёл себя чётко, резко. Придумало начальство вызывать из зоны "бывших малолеток" (посажённых до 18 лет, - сейчас уже было кому и

20-21 год) - для освобождения. Это, пожалуй, не был и обман, около того времени их действительно повсюду освобождали или - сбрасывали сроки. Слученков ответил: "А вы спросили бывших малолеток - хотят ли они переходить из одной зоны в другую и оставить в беде товарищей?" (И перед

Комиссией настаивал: "Малолетки - наша гвардия, мы их не можем отдать!" В том и для генералов был частный смысл освобождения этих юношей в мятежные

дни Кенгира; уж там не знаем, не рассовали бы их по карцерам за зоной?)
Законопослушный Макеев начал всё же сбор бывших малолеток на "суд освобождения"

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru и свидетельствует: из четырёхсот девяти, подлежащих освобождению, удалось ему собрать на выход лишь тринадцать человек. Учитывая расположение Макеева к начальству и враждебность к восстанию, этому свидетельству можно изумиться: 400 молодых людей в самом расцветном возрасте и даже в массе своей не политических отказались не только от свободы – но

от спасения! остались в гиблом мятеже...

А на угрозу военного подавления Слученков отвечал генералам так: "Присылайте! Присылайте в зону побольше автоматчиков! Мы им глаза толчёным стеклом засыпем, отберём автоматы! Ваш кенгирский гарнизон разнесём! Ваших кривоногих офицеров до Караганды догоним, на ваших спинах войдем в Караганду! А там – наш брат!"

Можно верить и другим свидетельствам о нём. "Кто побегит – будем бить в грудь!" – и в воздухе финкой взмахнул. Объявил в бараке: "Кто не выйдет на оборону – тот получит ножа!" Неизбежная логика всякой военной власти и военного положения...

Новорожденное лагерное правительство, как и извечно всякое, не умело существовать без службы безопасности, и Слученко эту службу возглавил (занял в жёстком лагпункте кабинет опера). Так как победы над внешними силами быть не могло, то понимал Слученков, что его пост означал для него неминуемую казнь. В ходе мятежа он рассказывал в лагере, что получил от хозяев тайное предложение – спровоцировать в лагере национальную резню (очень на неё

золотопогонники рассчитывали) и тем дать благовидный предлог для вступления войск в лагерь. За это хозяева обещали Слученкову жизнь. Он отверг предложение. (А кому и что предлагали еще? Те не рассказывали.) Больше того, когда по лагерю пущен был слух, что ожидается еврейский погром, Слученков предупредил, что переносчиков будет публично сечь. Слух угас.

Ждало Слученкова неизбежное столкновение с благонамеренными. Оно и произошло. Надо сказать, что все эти годы во всех каторжных лагерях ортодоксы, даже не сговариваясь, единодушно осуждали резню стукачей и всякую борьбу арестантов за свои права. Не приписывая это низменным соображениям (немало ортодоксов были связаны службой у кума), вполне объясним это их теоретическими взглядами. Они признавали любые формы подавления и уничтожения, также и массовые, но сверху – как проявление диктатуры

пролетариата. Такие же действия, к тому же порывом, разрозненные, но снизу – были для них бандитизм, да к тому же еще в "бендеровской" форме (среди благонамеренных никогда не бывало ни одного, допускавшего право Украины на отделение, потому что это был бы уже буржуазный национализм). Отказ каторжан от рабской работы, возмущение решётками и расстрелами огорчило, удручило и напугало покорных лагерных коммунистов.

Так и в Кенгире всё гнездо благонамеренных (Генкин, Апфельцвейг, Талалаевский, очевидно Акоев, больше фамилий у нас нет; потом еще один симулянт, который годами лежал в больнице, притворяясь, что у него "циркулирует нога" – такой интеллигентный способ борьбы они допускали; а в

самой Комиссии явно – Макеев) – все они с самого начала упрекали, что "не надо было начинать"; и когда проходы заделали – не надо было подкапываться; что всё затеяла бендеровская накипь, а теперь надо поскорее уступить. (Да ведь и те убитые шестнадцать были – не с их лагпункта, а уж евангелиста и вовсе смешно жалеть.) В записках Макеева выбрюзжано всё их сектантское раздражение. Всё кругом – дурно, все – дурны, и опасности со всех сторон:

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru от начальства – новый срок, от бендеровцев – нож в спину. "Хотят всех железяками запугать и заставить гибнуть." Кенгирский мятеж Макеев зло называет "кровавой игрой", "фальшивым козырем", "художественной самодеятельностью" бендеровцев, а то чаще – "свадьбой". Расчеты и цели главарей мятежа он видит в распутстве, уклонении от работы и оттяжке расплаты. (А сама ожидаемая расплата подразумевается у него как справедливая.)

Это очень верно выражает отношение благонамеренных ко всему лагерному движению свободы 50-х годов. Но Макеев был весьма осторожен, ходил даже в руководителях мятежа, – а Талалаевский эти упреки рассыпал вслух – и

слученковская служба безопасности за агитацию, враждебную восставшим, посадила его в камеру кенгирской тюрьмы.

Да, именно так. Восставшие и освободившие тюрьму арестанты теперь заводили свою. Извечная усмешка. Правда, всего посажено было по разным поводам (сношение с хозяевами) человека четыре, и ни один из них не был расстрелян (а наоборот, получил лучшее алиби перед Руководством).

Вообще же тюрьму, особенно мрачную старую, построенную в 30-е годы, широко показывали: её одиночки без окон, с маленьким люком наверху; топчаны без ножек, то есть попросту деревянные щиты внизу, на цементном полу, где еще холодней и сырей, чем во всей холодной камере; рядом с топчаном, то есть уже на полу, как для собаки, грубая глиняная миска.

Туда отдел агитации устраивал экскурсии для своих – кому не привелось посидеть и может быть не придется. Туда водили и приходящих генералов (они

не были очень поражены). Просили прислать сюда и экскурсию из вольных жителей посёлка – ведь на объектах они всё равно сейчас без заключённых не работают. И даже такую экскурсию генералы прислали – разумеется не из простых работяг, а персонал подобранный, который не нашёл, чем возмутиться.

Встречно и начальство предложило свозить экскурсию из заключённых на Рудник (1-е и 2-е лаготделение Степлага), где по лагерным слухам тоже вспыхнул мятеж (кстати, слова этого мятеж, или еще хуже восстание, избегали по своим соображениям и рабы и рабовладельцы, заменяя стыдливо-смягчающим словом сабантуй). Выборные поехали и убедились, что там-таки действительно всё по-старому, выходят на работу.

Много надежд связывалось с распространением таких забастовок! Теперь вернувшиеся выборные привезли с собой уныние.

(А свозили-то их вовремя! Рудник, конечно, был взбудоражен, от вольных слышали были и небылицы о кенгирском мятеже. В том же июне так сошлось, что многим сразу отказали в жалобах на пересмотр. И какой-то пацан полусумасшедший был ранен на запретке. И тоже началась забастовка, сбили ворота между лагпунктами, вывалили на линейку. На вышках появились пулемёты. Вывесил кто-то плакат с антисоветскими лозунгами и кличем "Свобода или смерть!" Но его сняли, заменили плакатом с законными требованиями и обязательством полностью возместить убытки от простоя, как только требования будут удовлетворены. Приехали грузовики вывозить муку со склада – не дали.

Что-то около недели забастовка продлилась, но нет у нас никаких точных сведений о ней, это всё – из третьих уст, и вероятно – преувеличено.)

Вообще были недели, когда вся война перешла в войну агитационную. Внешнее радио

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru не умолкало: через несколько громкоговорителей, обставивших лагерь, оно чередило обращение к заключённым с информацией, дезинформацией и одной-двумя заезженными, надоевшими, все нервы источившими пластинками.

Ходит по полю девчонка,

Та, в чьи косы я влюблен.

(Впрочем, чтобы заслужить даже эту невысокую честь – проигрывание пластинок, надо было восстать! Коленопреклонённым даже этой дряни не

играли.) Эти же пластинки работали в духе века и как глушилка – для

глушения передач, идущих из лагеря и рассчитанных на конвойные войска.

По внешнему радио то чернили всё движение, уверяя, что начато оно с единственной целью насиловать женщин и грабить (в самом лагере зэки смеялись, но ведь громкоговорители доставалось слышать и вольным жителям посёлка. Да ни до какого другого объяснения рабовладельцы не могли и подняться – недостижимой высотой для них было бы признать, что эта чернь

способна искать справедливости!) То старались рассказать какую-нибудь

гадость о членах комиссии (даже об одном пахане: будто этапируясь на Колыму

на барже, он открыл в трюме отверстие и потопил баржу и триста зэ-ка. Упор

был на то, что именно бедных зэ-ка, да чуть ли всё не Пятьдесят Восьмую, он

потопил, а не конвой; и непонятно, как при этом спасся сам). То терзали

Кузнецова, что ему пришло освобождение, но теперь отменено. И опять шли призывы: работать! работать! почему Родина должна вас содержать? не выходя на работу, вы приносите огромный вред государству! (Это должно было пронзить сердца, обречённые на вечную каторгу!) Простаивают целые эшелоны с углём, некому разгружать! (Пусть постоят! – смеялись зэки, – скорей уступите! Но

даже и им не приходила мысль, чтоб золотопогонники сами разгрузили, раз уж так сердце болит.)

Однако не остался в долгу и Технический отдел. В хоздворе нашлись две кинопередвижки. Их усилители и были использованы для громкоговорения, конечно, более слабого по мощности. А питались усилители от засекреченной гидростанции! (Существование у восставших электрического тока и радио очень удивляло и тревожило хозяев. Они опасались, как бы мятежники не наладили радиопередатчик да не стали бы о своём восстании передавать за границу. Такие слухи в лагере тоже кто-то пускал.)

Появились в лагере свои дикторы (известна Слава Яримовская). Передавались последние известия, радиогазета (кроме того была и ежедневная стенная, с карикатурами). "Крокодиловы слёзы" называлась передача, где высмеивалось, как охранники болеют о судьбе женщин, прежде сами их избив. Были передачи и для конвоя. Кроме того, ночами подходили под вышки и кричали солдатам в рупоры.

Но не хватало мощности вести передачи для тех единственных сочувствующих, кто мог найтись тут в Кенгире – для вольных жителей посёлка,

часто тоже ссыльных. А именно их, уже не по радио, а там где-то, недоступно

для зэков, власти посёлка заморочивали слухами, что в лагере верховодят

кровожадные бандиты и сладострастные проститутки (такой вариант имел успех у

жителей);6 что здесь истязают невинных и живьём сжигают в топках (и

непонятно только, почему Руководство не вмешивается!..)

Как было крикнуть им через стены, на километр, и на два, и на три: "Братья! Мы

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru хотим только справедливости! Нас убивали невинно, нас держали хуже собак! Вот наши требования...?"

Мысль Технического отдела, не имея возможности современную науку обогнать, попятилась, напротив, к науке прошлых веков. Из папиросной бумаги (на хоздворе чего только не было, мы писали о нём, 7 много лет он заменял джезказганским офицерам и столичное ателье и все виды мастерских ширпотреба) склеен был по примеру братьев Монгольфье огромный воздушный шар. К нему была привязана пачка листовок, а под него подвязана жаровня с тлеющими углями, дающая ток теплого воздуха во внутренний купол шара, снизу открытый. К огромному удовольствию собравшейся арестантской толпы (арестанты уж если радуются, то как дети), это чудное воздухоплавательное устройство поднялось и полетело. Но увы! - ветер был быстрее, чем оно набирало высоту, и при

перелёте через забор жаровня зацепилась за проволоку, лишённый горячего тока шар опал и сгорел вместе с листовками.

После этой неудачи стали надувать шары дымом. Эти шары при попутном ветре неплохо летели, показывая поселку крупные надписи:

- Спасите женщин и стариков от избиения!
- Мы требуем приезда члена Президиума ЦК!

Охрана стала расстреливать эти шары.

Тут пришли в Техотдел зэки-чеченцы и предложили делать змеев (они на змеев мастера). Этим змеев стали удачно клеить и далеко выбрасывать над поселком. На корпусе змея было ударное приспособление. Когда змей занимал удобную позицию, оно рассыпало привязанную тут же пачку листовок. Запускающие сидели на крыше барака и смотрели, что будет дальше. Если листовки падали близко от лагеря, то собирать их бежали пешие надзиратели, если далеко, то мчались мотоциклисты и конники. Во всех случаях старались не дать свободным гражданам прочесть независимую правду. (Листовки кончались просьбой к каждому нашедшему кенгиру - доставить её в ЦК.)

По змеям тоже стреляли, но они не были так уязвимы к пробоинам, как шары. Нашел скоро противник, что ему дешевле, чем гонять толпу надзирателей, запускать контрзмеев, ловить и перепутывать.

Война воздушных змеев во второй половине XX века! - и всё против слова правды...

(Может быть, читателю будет удобно для привязки кенгирских событий по времени вспомнить, что происходило в дни кенгирского мятежа на воле? Женевская конференция заседала об Индо-Китае. Была вручена сталинская премия мира Пьеру Коту. Другой передовой француз писатель Сартр приехал в Москву, для того, чтобы приобщиться к нашей передовой жизни. Громко и пышно праздновалось 300-летие воссоединения Украины и России. 8 31 мая был важный парад на Красной площади. СССР и РСФСР награждены орденами Ленина. 6 июня открыт в Москве памятник Юрию Долгорукому. С 8 июня шёл съезд профсоюзов (но о Кенгире там ничего не говорили). 10-го выпущен заём. 20-го был день воздушного флота и красивый парад в Тушине. Еще эти месяцы 1954 года отмечены были сильным наступлением на литературном, как говорится, фронте: Сурков, Кочетов и Ермилов выступали с очень твердыми одёргивающими статьями. Кочетов спросил даже: какие это времена? И никто не ответил ему: времена лагерных восстаний! Много неправильных пьес и книг ругали в это время. А в Гватемале достойный отпор получили империалистические Соединенные Штаты.)

В посёлке были ссыльные чечены, но вряд ли тех змеев клеили они. Чеченов не упрекнешь, чтоб они когда-нибудь служили угнетению. Смысл кенгирского мятежа они поняли прекрасно и однажды подвезли к зоне автомашину печёного хлеба. Разумеется, войска отогнали их.

(Тоже вот и чечены. Тяжелы они для окружающих жителей, говорю по Казахстану, грубы, дерзки, русских откровенно не любят. Но стоило кенгирам проявить независимость, мужество - и расположение чеченов тотчас было

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
завоёвано! Когда кажется нам, что нас мало уважают, – надо проверить, так
ли мы живём.)

Тем временем готовил Техотдел и пресловутое "секретное" оружие. Это вот что
такое было: алюминиевые угольники для коровопоилок, оставшиеся от прежнего
производства, заполнялись спичечной серой с примесью карбида кальция (все ящики
со спичками отнесли за дверь "100 000 вольт"). Когда сера поджигалась и
угольники бросались, они с шипением разрывались на части.

Но не злополучным этим остроумцам и не полевому штабу в баньке предстояло
выбрать час, место и форму удара. Как-то, по прошествии недель двух от начала, в
одну из темных, ничем не освещенных ночей раздалась глухие удары в лагерную
стену во многих местах. Однако в этот раз не беглецы и не бунтари долбили её –
разрушали стену сами войска конвоя! В лагере был

переполох, металась с пиками и саблями, не могли понять, что делается,
ожидали атаки, но войска в атаку не пошла.

К утру оказалось, что в разных местах зоны, кроме существующих и
забаррикадированных ворот, внешний противник проделал с десяток проломов. (По ту
сторону проломов, чтоб зэки теперь не хлынули в них, расположились посты с
пулемётами.6 Это конечно была подготовка к наступлению через проломы, и в
лагерном муравейнике закипела оборонная работа. Штаб восставших решил: разбирать
внутренние стены, разбирать саманные пристройки и ставить свою вторую обводную
стену, особенно укрепленную саманными навалами против проломов – для защиты от
пулемётов.

Так всё переменялось! – конвой разрушал зону, а лагерники её восстанавливали, и
воры с чистой совестью делали тоже, не нарушая своего

закона.

Теперь пришлось установить дополнительные посты охранения против проломов;
назначить каждому взводу тот пролом, куда он строго должен бежать ночью по
сигналу тревоги и занимать оборону. Удары в вагонный буфер и те же залихватые
свисты были условлены как сигналы тревоги.

Зэки не в шутку готовились выходить с пиками против пулемётов. Кто и не был
готов – подчас, привыкал.

Лихо до дна, а там дорога одна.

И раз была дневная атака. В один из проломов против балкона Управления
Степлага, на котором толпились чины, крытые погонями строевыми широкими и
прокурорскими узкими, с кинокамерами и фотоаппаратами в руках, – в пролом

были двинуты автоматчики. Они не спешили. Они лишь настолько двинулись в
пролом, чтобы подан был сигнал тревоги и прибежали бы к пролому назначенные
взводы, и потрясая пиками и держа в руках камни и саманы, заняли бы
баррикаду – и тогда с балкона (исключая автоматчиков из поля съемки)

зажужжали кинокамеры и защелкали аппараты. И режимные офицеры, прокуроры и
политработники, и кто там еще был, все члены партии, конечно, – смеялись
дикому зрелищу этих воодушевленных первобытных с пиками. Сытые, бесстыжие,
высокопоставленные, они глумились с балкона над своими голодными обманутыми
согражданами, и им было очень смешно.10

А еще к проломам подкрадывались надзиратели и вполне как на диких животных или

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru на снежного человека пытались набросить петли с крючьями и затащить к себе языка.

Но больше они рассчитывали теперь на перебежчиков, на дрогнувших. Гремело радио: опомнитесь! переходите за зону в проломы! в этих местах - не

стреляем! перешедших - не будем судить за бунт!

По лагерному радио отозвалась Комиссия так: кто хочет спастись - валите хоть через главную вахту, не задерживаем никого!

Так и сделал... член самой комиссии бывший майор Макеев, подойдя к главной вахте как бы по делам. (Как бы не потому, что его бы задержали, или было чем выстрелить в спину, - а почти невозможно быть предателем на глазах

улюлюкающих товарищей!11 Три недели он притворялся - и только теперь мог дать выход своей жажде поражения и своей злости на восставших за то, что они хотят той свободы, которой он, Макеев, не хочет. Теперь отработывая грехи перед хозяевами, он по радио призывал к сдаче и поносил всех, кто предлагал держаться дальше. Вот фразы из его собственного письменного изложения той радиоречи: "Кто-то решил, что свободы можно добиться с помощью сабель и пик... Хотят подставить под пули тех, кто не берет железок... Нам обещают пересмотр дел. Генералы терпеливо ведут с нами переговоры, а Слученков рассматривает это как их слабость. Комиссия - ширма для бандитского разгула... Ведите переговоры, достойные политических заключённых, а не (!!) готовьтесь к бессмысленной обороне".

Долго зияли проломы - дольше, чем стена была во время мятежа сплошная. И за все эти недели убежало за зону человек лишь около дюжины.

Почему? Неужели верили в победу? Нет. Неужели не угнетены были предстоящим наказанием? Угнетены. Неужели людям не хотелось спастись для своих семей? Хотелось! И терзались, и эту возможность обдумывали втайне может быть тысячи. А бывших малолеток вызывали и на самом законном основании. Но поднята была на этом клочке земли общественная температура так, что если не переплавлены, то оплавлены были по-новому души, и слишком низкие законы, по которым "жизнь даётся однажды", и бытие определяет сознание, и шкура гнёт человека в трусость - не действовали в это короткое

время на этом ограниченном месте. Законы бытия и разума диктовали людям сдать вместе или бежать порознь, а они не сдавались и не бежали! Они поднялись на ту духовную ступень, откуда говорится палачам:

- Да пропадите вы пропадом! Травите! Грызите!

И операция так хорошо задуманная, что заключённые разбегутся через проломы как крысы и останутся самые упорные, которых и раздавить, -

операция эта провалилась потому, что изобрели её шкуры.

И в стенной газете восставших рядом с рисунком - женщина показывает ребенку под стеклянным колпаком наручники "Вот в таких держали твоего отца",

появилась карикатура: "Последний перебежчик" (чёрный кот, убегающий в пролом).

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Но карикатуры всегда смеются, людям же в зоне было мало до смеха. Шла вторая, третья, четвёртая, пятая неделя... – То, что по законам ГУЛага не

могло длиться ни часа, то существовало и длилось неправдоподобно долго, даже мучительно долго – половину мая и потом почти весь июнь. Сперва люди были хмельны от победы, свободы, встреч и затей, потом верили слухам, что поднялся Рудник – может, за ним поднимутся Чурбай-Нура, Спасск, весь

Степлаг! там, смотришь, Караганда! там весь Архипелаг извергнется и рассыпется на четыреста дорог! – но Рудник, заложив руки за спину и голову

опустив, всё так же ходил на одиннадцать часов заражаться силикозом, и не было ему дела ни до Кенгира, ни даже до себя.

Никто не поддержал остров Кенгир. Уже невозможно было рвануть в пустыню: прибывали войска, они жили в степи, в палатках. Весь лагерь был обведен снаружи еще двойным обводом колючей проволоки. Одна была только розовая точка: приедет барин (ждали Маленкова) и рассудит. Приедет добрый и ахнет и всплеснет руками: да как они жили тут? да как вы их тут держали? судить убийц! расстрелять Чечева и Беляева! разжаловать остальных... Но слишком точкою была, и слишком розовой.

Не ждать было милости. Доживать было последние свободные денёчки и сдаваться на расправу Степлагу МВД.

И всегда есть души, не выдерживающие напряжения. И кто-то внутри уже был подавлен и только томился, что натуральное подавление так долго откладывается. А кто-то тихо смекал, что он ни в чем не замешан, и если осторожненько дальше – то и не будет. А кто-то был молодожён (и даже по

настоящему венчальному обряду, ведь западная украинка тоже иначе замуж не выйдет, а заботами ГУЛага были тут священники всех религий). Для этих молодоженов горечь и сладость сочетались в такой переслойке, которой не знают люди в их медленной жизни. Каждый день они намечали себе как последний, и то, что расплата не шла – каждое утро было для них даром неба.

А верующие – молились, и, переложив на Бога исход кенгирского смятения, как всегда были самые успокоенные люди. В большой столовой по

графику шли богослужения всех религий. Иеговисты дали волю своим правилам и отказались брать в руки оружие, делать укрепления, стоять в караулах. Они подолгу сидели, сдвинув головы, и молчали. (Заставили их мыть посуду.) Ходил по лагерю какой-то пророк, искренний или поддельный, ставил кресты на вагонках и предсказывал конец света. В руку ему наступило сильное похолодание, какое в Казахстане надувает иногда даже в летние дни. Собранные им старушки, не одетые в теплое, сидели на холодной земле, дрожали и вытягивали к небу руки. Да и к кому ж еще!..

А кто-то знал, что замешан уже необратимо и только те дни осталось жить, что до входа войск. А пока нужно думать и делать, как продержаться дольше. И эти люди не были самыми несчастными. (Самыми несчастными были те, кто не был замешан и молил о конце.)

Но когда эти все люди собирались на собрания, чтобы решить, сдаваться им или

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru держаться – они опять попадали в ту общественную температуру, где

личные мнения их расплавились, переставали существовать даже для них самих. или боялись насмешки больше, чем будущей смерти.

– Товарищи! – уверенно говорил статный Кузнецов, будто знал он много тайн и все тайны были за арестантов.

– У нас есть средства огневой защиты, и пятьдесят процентов от наших потерь будут и у противника!

И так еще он говорил:

– Даже гибель наша не будет бесплодной!

(В этом он был совершенно прав. И на него тоже действовала та общая температура.)

И когда голосовали – держаться ли? – большинство голосовало за.

Тогда Слученков многозначительно угрожал:

– Смотрите же! С теми, кто остается в наших рядах и захочет сдаться, мы разделаемся за пять минут до сдачи!

Однажды внешнее радио объявило "приказ по ГУЛагу": за отказ от работы, за саботаж, за... за... за... кенгирское лаготделение Степлага расформировать и отправить в Магадан. (ГУЛагу явно не хватало места на планете. А те, кто и без того посланы в Магадан – за что те?) Последний

срок выхода на работу...

Но прошел и этот последний срок, и всё оставалось так же.

Всё оставалось так же, и вся фантастичность, вся сновиденность этой невозможной, небывалой, повиснувшей в пустоте жизни восьми тысяч человек только еще более разила от аккуратной жизни лагеря: пища три раза в день; баня в срок; прачечная, смена белья; парикмахерская; швейная и сапожная мастерские. Даже примирительные суды для спорящих. И даже... освобождение на волю!

Да. Внешнее радио иногда вызывало освобождающихся; это были или иностранцы одной и той же нации, чья страна заслужила собрать своих вместе, или кому подошел (или якобы подошел?) конец срока. Может быть, таким образом Управление и брало "языков" – без надзирательской веревки с

крючками? Комиссия заседала, но проверить не могла и отпускала всех.

Почему тянулось это время? Чего могли ждать хозяева? Конца продуктов? Но они знали, что протянется долго. Считались с мнением посёлка? Можно было быстрее. (Правда, потом-то узнали, что за это время из-под Куйбышева выписали полк "особого назначения", то бишь, карательный. Ведь это не всякий и умеет.) Согласовывали подавление наверху? И как высоко? Нам не узнать, какого числа и какая инстанция приняла это постановление.

Несколько раз вдруг раскрывались внешние ворота хоздвора – для того ли, чтобы проверить готовность защитников? Дежурный пикет объявлял тревогу,

и взводы высыпали навстречу. Но в зону не шёл никто.

Вся разведка защитников лагеря была – дозорные на крышах бараков. И только то, что доступно было увидеть с крыш через забор, было основанием для

предвидения.

В середине июня в поселке появилось много тракторов. Они работали или что-нибудь перетягивали около зоны. Они стали работать даже по ночам. Эта ночная работа тракторов была непонятна. На всякий случай стали рыть против проломов еще

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru ямы (впрочем, У-2 все их сфотографировал или зарисовал).

Этот недобрый какой-то рёв добавил мраку.

И вдруг – посрамлены были скептики! посрамлены были отчаявшиеся! посрамлены были все, говорившие, что не будет пощады и не о чем просить.

Только ортодоксы могли торжествовать. 22 июня внешнее радио объявило: требования лагерников приняты! В Кенгир едет член Президиума ЦК!

Розовая точка обратилась в розовое солнце, в розовое небо! Значит, можно добиться! Значит, есть справедливость в нашей стране! Что-то уступят нам, в чём-то уступим мы. В конце концов и в номерах можно походить и решётки на окнах нам не мешают, мы ж в окна не лазим. Обманывают опять? Так ведь не требуют же, чтобы мы до этого вышли на работу!

Как прикосновение палочки снимает заряд с электроскопа, и облегчённо опадают его встревоженные листочки, так объявление внешнего радио сняло тягучее напряжение последней недели.

И даже противные трактора, поработав с вечера 24-го июня, замолкли. Тихо спалось в сороковую ночь мятежа. Наверно, завтра он и приедет,

может уже приехал...¹² Эти короткие июньские ночи, когда не успеваешь выспаться, когда на рассвете спится так крепко. Как тринадцать лет назад.

На раннем рассвете 25 июня в пятницу в небе развернулись ракеты на парашютах, ракеты взвились и с вышек – и наблюдатели на крышах бараков не

пикнули, снятые пулями снайперов. Ударили пушечные выстрелы! Самолёты полетели над лагерем бреюще, нагоняя ужас. Прославленные танки Т-34, занявшие исходные позиции под маскировочный рёв тракторов, со всех сторон теперь двинулись в проломы. (Один из них всё-таки попал в яму.) За собой одни танки тащили цепи колючей проволоки на козлах, чтобы сразу же разделять зону. За другими бежали штурмовики с автоматами в касках. (И автоматчики и танкисты получили водку перед тем. Какие б ни были спецвойска, а всё же давить безоружных спящих легче в пьяном виде.) С наступающими цепями шли радисты с рациями. Генералы поднялись на вышки стрелков и оттуда при дневном свете ракет (а одну вышку зэки подожгли своими угольниками, она горела) подавали команды: "Берите такой-то барак!.. Кузнецов находится там-то!.."

Они не прятались, как обычно, на наблюдательном пункте, потому что пули им не грозили.¹³

Издалека, со строительных конструкций, на подавление смотрели вольные. Проснулся лагерь – весь в безумии. Одни оставались в бараках на

местах, ложились на пол, думая так уцелеть и не видя смысла в сопротивлении. Другие поднимали их идти сопротивляться. Третьи выбегали вон, под стрельбу, на бой или просто ища быстрой смерти.

Бился Третий лагпункт – тот, который и начал (он был из двадцатипятилетников, с большим перевесом бендеровцев.) Они... швыряли

камнями в автоматчиков и надзирателей, наверно и серными угольниками в танки... О толчёном стекле никто не вспоминал. Какой-то барак два раза с

40 дней кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru "ура" ходил в контратаку...

Танки давили всех попадавшихся по дороге (киевлянку Аллу Пресман гусеницей переехали по животу). Танки наезжали на крылечки бараков, давили там (эстонок Ингрид Киви и Махлапу).¹⁴ Танки притирались к стенам бараков и давили тех, кто виснул там, спасаясь от гусениц. Семён Рак со своей девушкой в обнимку бросились под танк и кончили тем. Танки вминались в дощатые стены бараков и даже били внутрь бараков холостыми пушечными выстрелами. Вспоминает Фаина Эпштейн: как во сне отвалился угол барака, и наискосок по нему, по живым телам, прошел танк; женщины вскакивали, металась; за танком шёл грузовик, и полуодетых женщин туда бросали.

Пушечные выстрелы были холостые, но автоматы и штыки винтовок – боевые. Женщины прикрывали собой мужчин, чтобы сохранить их – кололи и женщин! Опер Беляев в это утро своей рукой застрелил десятка два человек.

После боя видели, как он вкладывал убитым в руки ножи, а фотограф делал снимки убитых бандитов. Раненная в лёгкое, скончалась член Комиссии Супрун, уже бабушка. Некоторые прятались в уборные, их решетили очередями там.¹⁵

Кузнецова арестовали в бане, в его КП, поставили на колени. Слученкова со скрученными руками поднимали на воздух и бросали обзёмь (прием блатных).

Потом стрельба утихла. Кричали: "Выходи из бараков, стрелять не будем!" и, действительно, только били прикладами.

По мере захвата очередной группы пленных, её вели в степь через проломы, через внешнюю цепь конвойных кенгирских солдат, обыскивали и клали в степи ничком, с руками протянутыми над головой. Между такими распято лежащими ходили лётчики МВД и надзиратели и отбирали, опознавали, кого они хорошо раньше видели с воздуха или с вышек.

(За этой заботой никому не был досуг развернуть "Правду" этого дня. А она была тематическая – день нашей родины: успехи металлургов, шире

механизированные уборочные работы! Историкку легко будет обозреть нашу

Родину, какой она была в тот день.)

Любознательные офицеры могли осмотреть теперь тайны хоздвора: откуда брался ток и какое было "секретное оружие".

Победители-генералы спустились с вышек и пошли позавтракать. Никого из них не зная, я берусь утверждать, что аппетит их в то июньское утро был безупречен и они выпили. Шумок от выпитого нисколько не нарушал идеологической стройности в их голове. А что было в груди – то навинчено

было снаружи.

Убитых и раненых было: по рассказам – около шестисот, по материалам производственно-плановой части кенгирского отделения, как познакомились с

ними через несколько месяцев – более семисот.¹⁶ Ранеными забили лагерную

больницу и стали возить в гордскую. (Вольным объясняли, что войска стреляли

только холостыми патронами, а убивали друг друга заключённые сами.)

Рыть могилы заманчиво было заставить оставшихся в живых, но для большего неразглашения это сделали войска: человек триста закопали в углу зоны, остальных где-то в степи.

Весь день 25 июня заключённые лежали ничком в степи под солнцем (все эти дни – нещадно знойные), а в лагере был сплошной обыск, взламывание и

перетрях. Потом в поле привезли воды и хлеба. У офицеров были заготовлены

списки. Вызывали по фамилиям, ставили галочку, что – жив, давали пайку и

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

тут же разделяли людей по спискам.

Члены Комиссии и другие подозреваемые были посажены в лагерную тюрьму, переставшую служить экскурсионным целям. Больше тысячи человек – отобраны

для отправки кто в закрытые тюрьмы, кто на Колыму. (Как всегда, списки эти были составлены полуслепо: и попали туда многие ни в чём не замешанные.)

Да внесет картина усмирения – спокойствие в души тех, кого коробили последние главы. Чур нас, чур! – собираться в "камеры хранения" никому не придётся, и возмездия карателям не будет никогда!

26 июня весь день заставили убирать баррикады и заделывать проломы.

27 июня вывели на работу. Вот когда дождались железнодорожные эшелоны рабочих рук!

Танки, давившие Кенгир, поехали самоходом на Рудник и там поелозили перед глазами зэков. Для умозаключения...

Суд над верховодами был осенью 1955 года, разумеется закрытый и даже о нём-то мы толком ничего не знаем... Говорят, что Кузнецов держался уверенно, доказывал, что он безусловно себя вёл и нельзя было придумать лучше. Приговоры нам не известны. Вероятно, Слученкова, Михаила Келлера и Кнопкуса расстреляли. То есть, расстреляли бы обязательно, но может быть 55-й год смягчил?

А в Кенгире налаживали честную трудовую жизнь. Не преминули создать из недавних мятежников ударные бригады. Расцвел хозрасчёт. Работали ларьки, показывалась кинофильмовая дрянь. Надзиратели и офицеры снова потянулись в хоздвор – делать что-нибудь для дома – спиннинг, шкатулку, починить замок

на дамской сумочке. Мятежные сапожники и портные (литовцы и западные украинцы) шили им лёгкие обхватные сапоги и обшивали их жен. И так же велели зэкам на обогатилровке сдирать с кабеля свинцовый слой и носить в лагерь для перелива на дробь – охотиться товарищам офицерам на сайгаков.

Тут общее смятение Архипелага докатилось до Кенгира: не ставили снова решёток на окна, и бараков не запирали. Ввели условно-досрочное "двух-третье" освобождение и даже невиданную "активровку" Пятьдесят Восьмой

– отпускали полумертвых на волю.

На могилах бывает особенно густая зеленая травка.

А в 1956 году и самую ту зону ликвидировали – и тогда тамошние жители из неухавших ссыльных развели всё-таки, где похоронили тех – и приносили степные тюльпаны.

Мятеж не может кончиться удачей.

Когда он победит – его зовут иначе...

(Бернс)

Всякий раз, когда вы проходите мимо памятника Долгорукому, вспоминайте: его открыли в дни кенгирского мятежа – и так он получился как бы памятник Кенгиру.

Конец пятой части.

1 Очевидно, такое же ускорение событиям придало лагерное руководство

и в других местах, например, в Норильске.

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
2 Слово "в_о_л_ы_н_к_а" очень прижилось в официальном языке после

берлинских волнений в июне 1953 года. Если простые люди где-нибудь в Бельгии добиваются прыжка зарплаты, это называется "справедливый гнев народа", если простые люди у нас добиваются чёрного хлеба – это "волынка".

3 Полковник Чечев, например, не вынес этой головоломки. После февральских событий он ушёл в отпуск, затем след его мы теряем – и

обнаруживаем уже персональным пенсионером в Караганде. – Не знаем, как скоро ушёл из Озерлага его начальник полковник Евсигнеев. "Замечательный

руководитель... скромный товарищ", он стал заместителем начальника Братской ГЭС. (У Евтушенко не отражено.)

4 Это отметил недоброжелатель Макеев.

5 После мятежа хозяева не постеснялись провести повальный медицинский

осмотр всех женщин. И обнаружив многих с девственностью, изумлялись: как? чего ж ты смотрела? столько дней вместе!..

* Они судили о событиях на своём уровне.

6 Когда уже всё было кончено, и повели женскую колонну по поселку на работу, собрались замужние русские бабы вдоль дороги и кричали им:

"Проститутки! Шлюхи! Захотелось?.." и еще более выразительно. На другой день повторилось то же, но зэчки вышли из зоны с камнями и теперь засыпали оскорбительниц в ответ. Конвой смеялся.

7 Часть III, глава 22.

8 Кенгирские украинцы объявили тот день траурным.

9 Говорят, опыт проломов был норильский: там тоже сделали их, чтобы

через них выманывать дрогнувших, через них натравливать урок и через них ввести войска под предлогом наведения порядка.

10 Эти фотографии ведь где-то подклеены в карательных отчетах. И

может быть не достанет у кого-то расторопности уничтожить их перед лицом будущего...

11 Еще и спустя десяток лет это так стыдно, что в своих мемуарах, вероятно и затеянных для оправдания, он пишет, будто случайно выглянул за

вахту, а там – на него накинулись и руки связали...

12 А может быть и правда приехал? Может быть о_н-то и распорядился?..

13 Они только спрятались от истории. Кто были эти расторопные полководцы? Почему не салютовала страна их славной кенгирской победе? С

трудом мы разыскиваем теперь имена не главных там, но и не последних: начальник оперчекистского отдела Степлага полковник Рязанцев; начальник политотдела Степлага Сёмушкин!.. Помогите! Продолжите!

14 В одном из танков сидела пьяная Нагибина, лагерный врач. Не для оказания помощи, а – посмотреть, интересно.

15 Эй, "Трибунал Военных Преступлений" Бертрана Рассела и Жана Поля

Сартра! Эй, философы! Матерьял-то какой! Отчего не заседаете? Не слышат...

40 дней Кенгира. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
16 9 января 1905 года было убитых около 100 человек. В 1912 году в

знаменитых расстрелах на Ленских приисках, потрясших всю Россию, было убитых
270 человек, раненых – 250

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!